

МУСАЕВ В.И. ПРЕСТУПНОСТЬ В ПЕТРОГРАДЕ В 1917–1921 ГОДЫ И БОРЬБА С НЕЙ. СПБ.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2001

Книга продолжает тему, начало которой положено коллективной монографией «Петроград на переломе эпох: город и его жители в годы революции и гражданской войны» [1]. Автор рассматривает историю преступности и работу правоохранительной системы в Петрограде в 1917–1921 гг. — с Февральской революции до конца «эпохи военного коммунизма» (с. 7). В.И. Мусаев предлагает использовать для анализа криминогенной ситуации понятийный аппарат социологии: «...Резкий рост преступности в российских городах после 1917 г. вполне можно объяснить при помощи теории аномии в интерпретации Дюркгейма» (с. 9–10). В этой формулировке упоминаются российские города, а не Петроград, которому посвящена книга от первой и до последней страницы. И это не случайно: для автора Петроград этого периода — типичный большой российский город: «...Как мегаполис город <Петроград> мало чем отличался от Москвы» (с. 191). Если никаких принципиальных отличий между Петроградом и Москвой не было, то как понять заявление, что «преступность в Петрограде <этого периода> была самой высокой в стране» (с. 202)? Для автора очевидно, что преступность возникает вследствие определенных социальных катаклизмов: роста безработицы, дезертирства, слома прежней правоохранительной системы; но это процессы универсального порядка, свойственные и другим городам. Правительство же большевиков разницу в криминогенной ситуации Москвы и Петрограда ощущало, можно сказать, физически, иначе бы оно не переехало в марте 1918 г. в Москву, да еще и тайным образом.

К началу 1918 г. в городе было не менее 50–60 тысяч вооруженных и по сути дела никому не подчинявшихся солдат и матросов (с. 27), не менее 20 тысяч уголовников (с. 26) плюс огромное количество люмпенизированных жителей и беспризорников. К сожалению, в рецензируемой работе эти данные не сопоставляются с социально-демографической и сословной ситуацией, сложившейся в феврале 1917 г. Мало того, криминогенная ситуация описывается без учета жесткой сословной иерархии в столице империи. В книге приводятся факты, свидетельствующие о нарушении социальной дистанции между различными слоями и сословиями. Приведем наглядный пример: «Один рабочий, участвовавший в операциях ЧК, рассказывал, что, когда он в составе конвоя сопровождал к месту расстрела группу офицеров, жена одного из приговоренных “следовала за отрядом и предлагала каждому пойти с ней, чтобы мужа отпустили. Я отошел с ней в сторону, совершил акт пролетарской справедливости, но мужа

все равно расстрелял» (с. 184). Здесь описана ситуация аномии, когда одна сторона — отчаявшаяся женщина — пренебрегает словесными, гендерными, моральными нормами поведения ради спасения мужа, а другая — вооруженный рабочий, сотрудничавший с ЧК, — утверждает «новые» нормы поведения, пренебрегая даже этикой сделки, о чем рассказывает с бесхитростным цинизмом.

Криминальный контекст Петрограда 1917–1920 гг. обусловил восприятие аномии как социально приемлемого типа поведения. Надо отметить, что упомянутая во введении категория аномии в тексте не встречается. Зато автор при анализе криминогенной ситуации пользуется понятием девиации. Девиация — это тип социального поведения, существующий и в стабильном, «здоровом», обществе. При аномии же происходит распад норм, регулирующих социальное взаимодействие. Результатом могут стать массовая беспризорность, серийные самоубийства, групповые изнасилования, людоедство и т. д. Подмена категории аномии категорией девиации обусловлена тем, что саму аномии В.И. Мусаев рассматривает как крупномасштабную девиацию. Как внимательный историк он видит, что в этот период появились небывалые ранее преступления: ограбления храмов, нападения на священников, кровавые самосуды прямо в церкви во время службы (с. 86), но при этом не пишет о серийных самоубийствах, имевших место даже в 1925 г., после самоубийства С. Есенина, о масштабах беспризорности, о групповых изнасилованиях¹ и прочей патологии.

В.И. Мусаев подчеркивает неэффективность в борьбе с преступностью государственной правоохранительной системы, формировавшейся в 1917 г. Под преступлением автор понимает только тот вид деяний, которые попадают под статью уголовного кодекса²: это еще одна причина, по которой самоубийства и беспризорность оказались вне его поля зрения. Такой государственно-центристский подход к социальным отношениям не позволяет увидеть социальные структуры, разрушение которых порождает аномии. Автор не раз пишет о росте агрессивных настроений в обществе, но причины этого не указывает. Он приводит немало примеров самосуда в Петрограде, но объясняет это только слабостью государственных органов власти, то есть милиции. Между тем в «здоровом» обществе «социальная ткань»

¹ Известное дело о групповом изнасиловании крестьянки на Лиговке, произошедшее в 1926 г., имело огромный общественный резонанс (появился даже термин «чубаровщина», обозначающий разнузданность, хамскую вседозволенность и т. д.). Показательно, что это произошло в тот период, когда криминогенная ситуация в городе была взята под контроль, а такие случаи стали восприниматься как аномия [2].

² Хотя во введении декларируется исследование преступности «в более широком понимании этого слова, чем просто уголовная преступность» (с. 7).

плотна, надзор над поведением людей осуществляют социальные контролеры (община, соседские сообщества, трудовой коллектив, приход и т. д.). При «нормальном» социальном порядке, например, невозможно появление массовой беспризорности, так как общество контролирует выполнение родительских обязанностей.

Можно утверждать, что anomia в России началась еще в конце XIX в., когда произошел отрыв крестьянина от общины; о чем свидетельствует рост уголовных преступлений, аборт, распространение бытового хулиганства в крупных городах [3]. Но до революции эти процессы сдерживались, с одной стороны, государством, а с другой — формирующимися социальными контролерами (структурами взаимной поддержки бывших крестьян на заводах, в фабричных поселениях)³. Десакрализация царской власти, дискредитация церкви, распад патриархальной семьи и иных общностей, опосредующих связь индивида с имперским порядком, наступление массовой культуры и мировая война сделали возможной anomia в России.

В.И. Мусаев обращает внимание на малое количество преступлений на сексуальной почве. Этот факт весьма существенен для анализа криминогенной ситуации в Петрограде (не надо забывать, что речь идет о городе, наводненном криминализированными вооруженными формированиями). Сам автор объясняет этот факт «не столько воздействием репрессивных мер, сколько естественными причинами»: «под влиянием голода и бытовых неурядиц понизилась сексуальная активность» (с. 182). Однако голод, вплоть до алиментарной дистрофии, не влияет на снижение сексуального влечения, хотя и может привести к временным нарушениям. Об этом говорят и приводимые автором факты: даже в 1920 г., когда население города резко сократилось⁴, в Петрограде было около 300 притонов и приблизительно 17 тысяч проституток. К сожалению, в книге не показана половозрастная и социально-стратификационная структура населения Петрограда того периода.

Автор пишет, что «большевистские идеологии не признавали института продажной любви. Однако проституция и связанное с ней распространение венерических заболеваний были серьезной проблемой, городские власти не могли просто закрыть на это глаза» (с. 184). Данная фраза не имеет смысла, несмотря на свое «социологическое» звучание. Во-первых, нежелание легализовать проституцию, а именно это имеется в виду, не означает отрицание ее существования, и сам автор приводит примеры борьбы большевиков с проституцией. Во-вторых, проституция никогда не являлась в России социальным

³ Этот процесс проанализирован Р. Зидером на примере становления соседских сообществ наемных рабочих в Германии начала XX в. [4].

⁴ За период 1916-1920 гг. население Петрограда с 2415700 чел. уменьшилось до 722229 чел., то есть более чем в три раза [5].

институтом, так как для институционализации того или иного социального феномена необходимо признание его значимости всем обществом.

Если криминогенная ситуация в городе была практически не контролируема, а сексуальных преступлений, даже с учетом незарегистрированных, было не так много, разумно предположить, что огромную массу вооруженных солдат и матросов, оторванных от семей, не занятых работой, находящихся вне социального контроля, «обслуживало» достаточное количество проституток. Напомним, что проституция — это девиантное поведение, *всегда* имеющее рыночный модус существования. Поэтому некоммерческая проституция — нонсенс. Логично предположить, что эти криминализованные массы солдат и матросов имели доступ к общественным ресурсам, которыми и расплачивались за услуги проституток. Кто и к каким ресурсам в городе имел доступ в 1917–1921 гг. — неизвестно и сегодня. И здесь снова встает вопрос о специфике Петрограда этого периода: какова была ресурсная база города, являвшегося на февраль 1917 г. столицей империи? Об этом в данной книге ничего не говорится, но достаточно одной цифры: доход на душу населения в 1895 г. по империи в целом был от 3 рублей 61 коп. (в предкавказских губерниях) до 19 рублей 34 коп. (в прибалтийских губерниях), в то время как в Петербурге *и только в нем* он составлял 99 рублей 06 коп. [6]. Уже этой цифры достаточно, чтобы говорить об исключительном материально-финансовом положении Петрограда по отношению ко всей остальной России. К сожалению, не для всех историков это очевидно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петроград на переломе эпох: город и его жители в годы революции и гражданской войны / Отв. ред. В.А. Шишкин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.
2. *Найман Э.* Чубаровское дело: групповое изнасилование и утопическое желание // Советское богатство: статьи о культуре, литературе и кино. СПб.: Академический проект, 2002.
3. *Фирсов С.Л.* Православная церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб.: Изд-во российского христианского гуманитарного института, 1996. С. 45–89.
4. *Зидер Р.* Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII–XX вв.). М.: Гуманитарный издательский центр «Владос», 1997. С. 143–178.
5. Петроград на переломе эпох: город и его жители в годы революции и гражданской войны. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 61.
6. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX вв.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 33.

В.Е. Семенков,
кандидат философских наук